

Елена Шумара

Прозаик, поэт, сценарист, литературный редактор. Живет в Санкт-Петербурге, много лет преподает в педагогическом университете. Играет в уличном театре пантомимы и клоунады («Театр Летящих Вещей»). Член Союза детских и юношеских писателей (СоюзДетЛит). Лауреат национальной литературной премии «Рукопись года» в номинации «Большая форма» (роман «Если я буду нужен», 2020). Финалист международного фестиваля «Всемирной поэзии» (2023).

У таких, как мы, в голове салют

Старушки

Д. Х.

Наутро небо чихало кашей,
и дом спросонья скрипел и кашлял.
Лежали, словно бокалы в вате,
старушки в теплых своих кроватях.
Старушки зубы снимали с полки,
и пол неспешно клевали палки.
Зевали кошки на всех матрацах,
в ковшах, толкаясь, варились яйца.

А там, у дома, скреблись лопаты.
Старушки рьяно чесали патлы,
и, в кофты кутаясь одиноко,
сползали в кресла у зимних окон.
С таблеткой, чаем и карамелью,
в тряпичных тапках, побитых молью,
кто полусидя, кто полулежа,
они глазели на жизнь прохожих.

Одной старушке в очках для близи
не видно было, «что дейтся снизу».
Она окно, побеждая хилость,
открыла и... за окно свалилась.
Другие стали трястись от смеху
и в этом, кажется, дали маху.
Они в проулок, белы и хрупки,
тотчас посыпались снежной крупкой.

Но, не достигнув твердот асфальта,
старушки сделали пару сальто
и, будто шарики с легким газом,
в седые тучи взметнулись разом.
Они летели, надув подолы,
внизу постелью стелились дали,
внизу мелькали огни и лица...
а город думал, что в небе — птицы.

Казалось, небо счихнет бедняжек
(как рано утром счихнуло кашу).
Но нет. Старушки летели клином
с подагрой, тиком, холестеринном,
на юг, сквозь мглу и дождя осколки.
Остались дóма родные скалки,
пакет пакетов, штанцы и блюдца...

Я загадал: пусть они вернуться.

Наш

Этот город мал, будто тесный лифт,
врезан в камень, рыбен, невесел, и
без таких, как мы, он слегка горчит,
дурачин.
Без таких — под арками никого,
шинный визг слышнее, чем грохот волн,
и совсем никто не жует сирень,
скукотень...

Мы, балбесы, пузом на парাপет,
воробынный рой тарыхтит в круппе,

не молчи, толкайся, и ты, старик,
чик-чирик.

И твоя рука — на моей руке,
и портвейн болтается в рюкзаке,
по воде идут караси и кит,
чудаки.

Корабли нашей гавани там и тут
рассекают рострами пустоту,
режут вены рек, и наутро — в путь,
не вернуть.

Эта ночь хмельная белым-бела,
пляшет снежный пух, и один атлант
озорно качает второй этаж —
тоже наш...

У таких, как мы, в голове салют,
я горбушку «дарницкого» солю,
ты пускаешь дым над моим плечом,
дурачье.

Этот город стар и почти забыт,
он под небом есть, но не голубым,
кто спасет его от седой зимы,
только мы.

Нельзя

Мама сказала: если погладить кошку,
ту, что за домом лижет седое пузо,
я стану лысой...

В правую руку ложку!

Левой вкуснее, левой нельзя... Рейтузы

мелко кусают ямочку под коленкой.

Вот бы содрать их и —

ших-ших-ших по коже!

Кошке везука: ходит на четвереньках,
попой сверкая. Я бы хотела тоже.

Тапки снимаю, лезу на ручку кресла.

Нос об окошко плющится поросячьи.

Кошка внизу зевает.
Куда полезла?
Завтрак остынет. Живо, пока горячий!

Гадкая манка. Шумно в тарелку дую.
Можно ириску?
Кашу доешь сначала!

Волосы... ну их. Мне бы ее, седую,
гладить по пузу. Чтобы она мурчала.

Ранний июль

Камушек пнешь, он прыгает: раз-два-три,
трещинка, ямка, после — в прохладный люк.
Лжешь на край и слушаешь, как внутри,
в люковом горле, звон переходит в плюх.

Чавкая, пьет лохматая псина Джек,
в миске качает щепки и корабли.
Лысый Юсуф в переднике, он узбек,
перед подъездом жесткой метлой пылит.

Смотришь на мир сквозь стеклышко — вот те на,
мир зеленеет, весь травяной. Жара.
Облако спит, похожее на слона.
Слон уплывает к морю — позагорать.

Липнет, как снег, к шнуркам тополиный пух,
где-то в сирени — горькая пятерня.
Бабка седая сыплет в окно крупу,
мелкие птички в этой крупе звенят.

В кухне отец натачивает ножи,
гладкий поребрик, словно пирог, нагрет.
Кто я, зачем и чисто ли буду жить?..
Птички смеются и не дают ответ.

Ницшеанское

И умер Бог.
Холодной статуэткой
лежит, пустой, на письменном столе.
Он заходил не часто и не редко,
не ныл, не звал и вроде не болел.

А вот поди ж ты.
Умер. И в осинах,
осенне-жарких, — шепот и тоска.
Пройдя лазурной жизни половину,
он лег на стол. Изрыта и тонка

меж нами полоса.
И время — оно.
Дрожит десница серенького дня.
И ни триад, ни нравственных законов —
ни в небе звездном, ни внутри меня.

Стучат в окно земные птицы.
Ой ли —
клюет пшено крылатое ничто.
Но, говорят, единственно из боли
(и воли) новый вырастет цветок.

А Бог лежит,
не веруя в начало,
конечный пункт и все, что посреди...
и осень обрисовывает алым
неясный контур тающих седин.